

Возрождение Дона, его былой вольности призывали к жизни Войсковой Круг, как высший и верховный орган Донского Казачества. Казаки-калмыки, приняв на совершенно равных началах участие в судьбах Дона, естественно приняли участие и в высших исполнительных его органах.

Донское Казачество отнеслось к Калмыцкому народу, как к своему меньшему уважаемому брату.

Школы в калмыцких станицах стали в полном объеме нашими станиц и национализация их зависела только от нас, от наших культурных сил.

В войсковых частях калмыки-казаки были объединены в одной войсковой единице.

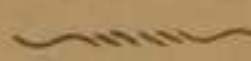
Перед культурным самоопределением нашего народа не было никаких препятствий. О политическом самоопределении никаких разговоров между калмыками не было. Сотрудничество с казаками-русскими понималось, как самое разумное и справедливое. Не исключалось в известной форме объединение с калмыками других губерний, областей.

От февральской революции мы, калмыки, получили действительную свободу, перед нами открывалась прекрасная возможность национального развития. Но... победа другой революции — большевизма, все разбила, разрушила, загасила, задушила. Большевики отыгрываются на «самоопределении» народов. «Самоопределение», когда оно по рецепту большевиков, не больше того...

*

И еще одним обстоятельством в жизни донских калмыков ознаменовалось десятилетие советской власти: домогательствами большевистствующих калмыцких деятелей из Калмыцкой Автономной Области часть наших братьев-донцов переселилась в Ставропольскую губернию в Большедербетовский улус. Этим актом еще больше были обезлюдены, обезсилены, разоружены наши станицы, еще больше обнажены наши юрты, больше открыты возможности для вселения на них переселенцев из других мест России.

Под лозунгом «объединения» Калмыцкого народа большевистствующие калмыцкие деятели разорвали живое тело донских калмыков на две части. Часть Донских калмыков-казаков, осиротив семью калмыцкого народа на Дону, решила усилить Больше-Дербетский улус.

Россия и калмыцкий народ.

Переживаемый момент в истории России должен разрабатываться, как момент исправления «исторических ошибок» в смысле реорганизации внутренних социальных взаимоотношений. Русская жизнь в последнем отношении сильно отстала от ее внешне-политического развития и достижений. Из недр удельной системы вырос единый сильный государственный организм, который занял на мировой ниве пространство, равняющееся одной шестой части земного шара.

Этим территориальная емкость России обез-

Так все распыляясь, вырывая живые корни с насиженных мест, когда то из состояния мощного и знаменитого народа, калмыки дошли до настоящего состояния.

Большевистствующие калмыки нанесли донским калмыкам удар не меньший, чем настоящие большевики и их красные воины.

*

Итак, есть нам, донским калмыкам, о чем вспомнить 10-ти летие советской власти. А что было в течение этого десятилетия. Появившимся и незримым давлением и принижением, кое-как живут и развиваются покорные, пресмыкающиеся и ссылаются, исчезают там, в конце еще не погасли проблески мысли и неудержимо вырывающееся сознание человеческого и национального достоинства, чести. Но пусть сильна еще Советская власть, но час ее пробьет.

Жизнь сокрушит и разобьет эту беззаконную, кастовую власть и наш народ, разделяя участь других народов, пробыв еще неопределенное время под пятой большевиков, обретет истинную свободу.

Но в этом освободительном процессе роль калмыцкой эмиграции на судьбы нашего народа будет скромной, однако, значительность ее и сила будут зависеть от самой эмиграции, от того, в какой мере пробудятся ее национальное самосознание, идея национального возрождения нашего народа, в какой мере прозреть и окрепнет мысль каждого калмыка-эмигранта, в какой мере душа его проникнется желанием и волей проводить и действительно осуществлять идею возрождения калмыцкого народа не только на Дону или Калмыцкой Автономной Области, но и там, далеко-далеко на Востоке, в тех величайших областях, на безграничных центральных азиатских степях, высоких хребтах и горах, где некогда процветало царство Джангара, где жили, боролись и победы несли на своих «желто-пестрых» знаменах непобедимые калмыцкие национальные богатыри Джангар, Хонгор, Алтан-Чеджи, Кюндэ-гарта-Сабар и все их славные, бессмертные товарищи и соратники.

Обширные области Джунгарии, Урянхай, Кёкё-Нур'а, Алашани и братские области Монголии ждут проснувшуюся и рвущуюся вперед мысль европейских калмыков, калмыцкой эмиграции.

Б. Уланов.

в должной мѣрѣ это развитіе не имѣло мѣста, чему причиною служили внутреннія соціально-политическія условія.

Россія не имѣла широкой гражданственности, политическаго самоуправленія и общей справедливой основы землевладѣнія и раціональнаго землепользованія для широкой массы населенія. Отсутствие этихъ необходимыхъ условій помѣшало общему культурному и хозяйственному развитію величайшей страны; она какъ бы искусственно была задерживаема в развитіи своихъ творческихъ силъ, почему внутреннія ея силы и ресурсы не соотвѣтствовали ея внѣшней мощи и авторитету.

Всѣ событія, начиная со второй половины XIX в., подтверждали эту странную внутреннюю немощность, столь несомвѣстимую съ внѣшнею мощью, авторитетомъ и с неограниченными потенціальными силами страны. Катастрофа Крымской кампаніи, катастрофа в войнѣ с Японіей, поражение тѣмъ болѣе унижительное для самолюбія и международнаго престижа Россіи, что Японія, сравнительно с Россіей небольшая нація, с ничтожною территоріею, со скудными природными богатствами.

И наконецъ, когда столкнулись всѣ культурныя націи міра, выдвинув на сцену всѣ духовныя и матеріальныя ресурсы, Россія в этой международной выставкѣ національныхъ силъ оказалась самой слабой и мало подготовленной, почему с первыхъ же дней войны начала питаться поддержкой своихъ союзниковъ.

Но и это ея не спасло. Достаточно было значительныхъ внутреннихъ затрудненій в связи с величайшей міровой войной, какъ безграмотное, темное населеніе не учло и не поняло переживаемаго Родиной напряженнаго историческаго событія и, какъ на фронтѣ, такъ и в тылу, сбросило слабый покровъ государственности и государственнаго аппарата и ввергло всю страну в стихію анархіи.

В этомъ непониманіи сущности момента сказалась отсталость населенія, отсутствіе в немъ сознательнаго патриотизма, живой, чуткой любви к Родинѣ. Все это прямыя результаты существовавшихъ внутреннихъ соціально-правовыхъ взаимоотношеній и всей политической системы, основанной на сословно-бюрократическомъ эгоизмѣ. Несоотвѣтствіе системы внутренней жизни внѣшней мощи и необходимость ихъ согласованія признавались всѣми благомыслящими сынами Россіи, но, к сожалѣнію, ихъ честныя своевременныя предупрежденія не были услышаны властью имущими.

Итакъ, колоссальнѣйшія внѣшнія событія послужили косвеннымъ толчкомъ к раскрытію исторически накопившихся внутреннихъ нарывовъ в жизни Россіи. Созданный этимъ общій кризисъ жизни привелъ на сцену доктринеровъ соціально-политическихъ ученій, отрицающихъ в исторіи человѣческой жизни законъ преемственности, эволюціи и производящихъ нынѣ в величайшей в мірѣ странѣ величайшаго размаха опытъ. В своемъ отечественномъ несчастьи мы искупаемъ прошлые грѣхи тѣхъ, кто, находясь у кормила правленія, былъ глухъ и нѣмъ к историческимъ жизненнымъ нуждамъ многомилліоннаго русскаго народа.

Но трагедія Россіи не есть трагедія только русскаго народа. Она захватываетъ своимъ размахомъ и ударомъ всѣ народы, в нее входящіе, какъ бы эти послѣдніе ни были не причастны к причинамъ чисто русской внутренней бури. Внутреннія событія Россіи потрясли, а мѣстами разрушили вѣками установившуюся мирную жизнь мелкихъ народовъ. Вотъ почему в скоромъ и дѣйствительномъ возрожденіи Россіи в одинаковой степени заинтересованы всѣ народы, в нее входящіе. Для этихъ послѣднихъ имѣетъ первостепенную важность вопросъ о томъ — какъ и какимъ образомъ можетъ сложиться ближайшее будущее и каковъ будетъ политическій обликъ этого будущаго.

Но в какомъ бы видѣ ни представлялось настоящее, мы не можемъ не вѣрить будущему.

Передъ лицомъ этого будущаго, вѣра во что такъ облегчаетъ тяжелую долю сегоднешняго дня — интересно отмѣтить изъ страницъ прошлаго своего небольшого народа тѣ моменты, которые являются значительными, которые служатъ моральною основою участія его в счастьи и развитіи будущаго Родины.

*

В семьѣ народовъ Россіи калмыцкій народъ по характеру прошлаго занимаетъ совершенно особое положеніе. Во-первыхъ, онъ пришлый народъ, явившійся в Россію в первой половинѣ XVII вѣка. Слѣдовательно, онъ не завоеванъ в стихійномъ движеніи кореннаго населенія в процессѣ расширенія государственной территоріи. Мало того, что онъ самъ явился, но онъ добровольно призналъ надъ собою политическую гегемонію Россіи. Русская власть проявила большую предупредительность к появленію его на лоно русскихъ степей, черезъ спеціальное посольство, приглашая его поселиться в вольныхъ русскихъ степяхъ.

В послѣдующихъ этапахъ ихъ взаимоотношеній были, правда, болѣзненные явленія, особенно когда русская власть проявляла чрезмѣрную поспѣшность в своихъ попыткахъ затянуть петлю зависимости и часто черезъ бездарныхъ своихъ краевыхъ представителей вторгалась в ихъ внутреннюю жизнь.

Калмыцкій народъ проявлялъ большую ревность к своему національно-независимому бытію: онъ его цѣнилъ и чутко хранилъ. И когда началъ чувствовать опасность своей независимости онъ чутко реагировалъ, долго сопротивлялся и в этой защитѣ доходилъ до настоящаго пафоса національной гордости, разговаривая с русской властью языкомъ властнымъ и твердымъ. Еще в половинѣ XVII вѣка устами своего вождя Щукур-Дайчинъа калмыцкій народъ гордо заявлялъ Русскому Правительству: «в холопствѣ никогда ни у кого не бывали и никого, кромѣ Бога, не боятся. Они считаютъ себя вправѣ кочевать по степямъ и плавать по рѣкамъ, п. ч. земля и вода Божьи; тѣмъ болѣе, что в краю, куда они пришли, землею и водою никто не пользуется, кромѣ ихъ; а что касается до нагайцевъ, и эписановъ то они холопы калмыкамъ, п. ч. побѣждены калмыками; но все же и с ними калмыки дѣлятся благами пополамъ.»

Какъ это живо напоминаетъ властный тонъ ихъ предковъ потомковъ Чингис-Хана, покорившихъ

девятнадцать десятых Азии и Европы и находивших гордый язык беседы с отдаленнейшими независимыми народами и государями. Император Монгольской Империи со следующими словами обратился к Французскому Королю Людовику:

«Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля небес исполнится и весь мир признает меня своим повелителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделали! Но если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдаленная, горы неприступны, моря глубоки и мне не боишься, то Всевышний, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что можем сделать!»

Из этого мы видим, как этот народ представлял свое политическое бытие и как глубоко в нем сидело сознание самобытности, исторической воли и независимости. Тяжело ему было разставаться с незаконной своей стихией — свободой и независимостью. Много тяжелых дум и бытовых смятений и бурь испытал он пока примирился с гегемонией России. Именно эта любовь его к своей политической свободе есть одна из причин его исторической трагедии и печальной доли настоящих дней.

Как вольное наместничество служило элементом колонизации и защиты русских окраин, так и калмыцкий народ сыграл громадную роль в падении турецких колоний северного побережья Черного и Азовского морей и приведению этих колоний к русскому подданству. Такая судьба Калмыцкого народа начинается, главным образом, с эпохи гениального Петра, который умел и ценил и ладить с вождями этого народа. Отдельные случаи таких действий имели место и до него. Начиная с конца XVII века и на протяжении всего XVIII по просьбе Русского Двора калмыцкими Ханами были совершены до 28-ми больших военных походов на берега Черного, Азовского и Каспийского морей, на Кавказ, Персию и Хиву.

Наибольшие крупные походы были совершены Ханами Аюкой, Дондук-Омбой, Дондук-Дашей и Убушей, современниками Петра, Анны Ивановны, Елизаветы и Екатерины II. Первому из них Петр, уезжая за границу поручил защиту юго-восточных границ России. Некрасово-Булавинский бунт был подавлен только силой калмыков (Русская история Вернадского); сотни тысяч кубанских татар были уничтожены калмыками в XVIII веке (Книги Проф. Пальмова и Чюрова. Архив Главного Штаба, Архив Мин. Ин. Д.)

В этом периоде своей истории Калмыцкий народ выполнил мощную роль в процессе расширения юго-восточной границы России.

Начиная с первой четверти XIX века наступает мирная хозяйственная самостоятельность калмыцкого народа. В этой области калмык тоже внес свою долю вклада в общую систему отечественного хозяйства. Пригнав с собою из далекой Азии типичный мелкий скот, калмыки за один век работы выработали из него совершенно новый, сильный и рослый тип скота.

Калмыцкая лошадь, красный рогатый скот — являются одним из лучших своеобразных типов скота в Европе. Трехвершковые калмыцкие лошади в силе и выносливости совершенно не имела себе конкурентов в выполнении тяжелых работ военного времени. Лоценные, красивые дити конюшни — англичане и венгерские лошади никогда не могли конкурировать с нашей калмыцкой лошадью. Это подтверждала каждая война.

Начиная от центральных губерний, обнимая весь юго-восток все сельское хозяйство обслуживалось этой лошадью. Каждый год громадный контингент этой лошади брался в ремонт — кавалерию и артиллерию. Значительная часть русской кавалерии сидела на калмыцких лошадях.

Коневодство калмыцкой степи было одним из крупнейших коневодств в мире и, несмотря на свой совершенно исключительный размер, оно поставлено было достаточно рационально. Только поэтому калмыцкое коневодство могло дать такие результаты, несмотря на сравнительно суровые местные условия.

Быстрота, сила, необыкновенная выносливость — были свойствами этой лошади. За эти качества ее признала и оценила русская власть и русское хозяйство. За эти качества ее любил и любил выращивать ее калмык.

Для калмыка его лошадь была его стихией, частью его существа. Без нее он чувствовал себя несчастным, слабым, жалким. Самая простая бытовая задача была неразрешима для него без лошади. Вот почему так была понятна глубокая печаль, граничившая с отчаянием, калмыков 2-го Астраханского полка, когда они силою обстоятельств были сдвинуты в Крым и отправлены в пешем строю на фронт.

Вот почему во всех калмыцких песнях одним из героев наряду с ним самим неизменно фигурирует его друг — лошадь. Вот почему так в обиходе у калмыков поговорка: «двух индивидуумов роднящая дитица есть драгоценность; далекие расстояния укорачивающий конь — есть драгоценность».

Вот почему последний печальный аккорд его настроений во время русской анархии вылился в песню, посвященную утону его сбых, воронах, рыжих табунов, производившимся безпощадными коммунистами. Сотни верст он мог проехать на своей лошади, не кормя, и она его безотказно несла.

Эту лошадь он подарил России, дал ее армии, дал ее хозяйству. Он имеет полное право считать, что результат его годового мирного труда безусловно имеет государственное значение. Ни один народ из живущих в России такого вклада не внес в общую систему отечественного хозяйства.

Не меньше важного значения для хозяйства имела, т. е., калмыцкая красная лошадь. Он славится вкусом своего мяса, а сравнительную скупость в молоке с избытком покрывает жиром и в последнем жирных веществ, что обнаружено было только в последние годы. Как рабочая сила этот скот стоит на такой же высоте. Нынче весь юго-восток культивирует только

этот скот, не отказываясь от дальнейших его улучшений.

Таково политическое и хозяйственное значение пребывания калмыцкого народа в России вообще.

Стихия русских событий тяжелым млатом ударила и по его головѣ, обезкровила его, тяжело изранила его национальное тѣло.

Как ни скудны свѣдѣнія, проникающія к нам из Родных краев, все же даже по тѣм отрывочным данным, чѣм располагаем, мы должны пріятно констатировать, что оставшейся на Родинѣ интеллигенціи удалось вѣрно намѣтить вѣхи национально-политических задач. Нѣкоторым отдѣльным частям Калмыцкого народа (б. Астраханским и Ставропольским) удалось об'единиться и добиться прав автономной политической единицы. Мы лишены возможности войти в подробную оцѣнку прав и достижений в этой области. Но не можем не признать в самом этом фактѣ безусловно положительнаго начала.

Вторым основным вопросом историческаго бытія Калмыцкого народа в Калмыцкой Автономной Области является вопрос о землѣ. Калмыки изстари владѣли достаточно обширным земельным надѣлом. Правда, эти земельныя угодія в качественном отношеніи были весьма незавидны — с громадными песчаными дюнами, лишенными лугов и лѣсов. Вся главная масса этих угодій состояла из скудных степей с недостаточным орошеніем. Эти особенности опредѣлили историческія занятія населенія — скотоводство. Самый размѣръ фактическаго владѣнія калмыков подвергался систематическому сокращенію, благодаря правительственным отводам пришлому крестьянскому населенію. Этот историческій факт и создал главное затрудненіе в хозяйственно-экономической жизни калмыцкаго населенія.

В каком направленіи и как удалось руководителям Автономной Области разрѣшить эти трудныя проблемы — нам совершенно неизвѣстно. Между тѣм в ея безболѣзненном рѣшеніи заключается залог дальнѣйшаго болѣе или менѣе сноснаго существованія этого народа. К вопросу об исторических правах калмыков на занимаемая ими земли мы вернемся в спеціальной статьѣ. Здѣсь же надлежит указать на другой важный вопрос, а именно: в каком направленіи и формѣ совершаются опыты вождей автономной области в дѣлѣ перевода населенія с кочевого быта на осѣдлый. Нам представлялось, что опыту в этой области должна предшествовать громадная изслѣдовательская работа в цѣлях выясненія — какой тип и форма хозяйства допускается естественными совершенно незамѣтными условиями мѣстной природы и климата. И только потом мыслим какой-либо опыт в смыслѣ перемѣны основной формы быта. Последній всецѣло должен приспособляться к допускаемой мѣстностью хозяйственной системѣ.

Вообще говоря, о кочевьѣ калмыков в Калмыцкой Автономной Области надлежит утверждать далеко условно. Фактически калмыки

давно перестали быть кочевниками в обычном смыслѣ этого слова. Они прикрѣплены к опредѣленному району — улусно-уѣдно; в предѣлах уѣзда аймачно-волостным образом, а в предѣлах послѣдняго — сельско-хотонным. Угодье самой меньшей общественной единицы дѣлилось на зимовья и лѣтнія, иначе говоря — покосы и пастбища. Вся перекочевка сводилась к переходу весной на лѣтнія пастбища. Большой частью передвиженіе сводилось к перегону скота. В этих предѣлах кочевниками являлось почти все астраханское крестьянство. Поучительно то, что в тѣх же условіях исконные земледѣльцы крестьяне почти все поголовно сдѣлались скотоводами и только часть из них сравнительно в скромных размѣрах занимается земледѣліем, смотря на него, как на подспорье к скотоводству. Этот поучительный факт должен быть принят во вниманіе при всеѣх возможных экспериментах в области хозяйственнаго быта.

В астраханских почвенных и климатических условіях думать об окончательном устраненіи передвижной системы хозяйства значило бы стремиться к невозможному и жить голой фантазіей.

Таковы основные вѣхи калмыцкой жизни Калмыцкой Автономной Области во вѣншем ея строѣ. От вдумчивой, разумной постановки этих вѣх зависит вся будущность калмыцкаго народа, нынѣ Автономной Калмыцкой Области. Что же касается вѣх внутренней жизни, то, конечно, на первом мѣстѣ стоит вопрос о принципѣ, на котором должна быть построена система управленія народом. Высшее сословіе нойонов и зайсангов, за исключеніем отдѣльных единиц, почти перестало играть руководящую роль в калмыцкой жизни. Рѣзкаго перехода между много и малоимущими в жизни калмыков также не замѣчалось. Пролетаріата в буквальном смыслѣ этого слова степь не знала. Имущественное неравенство в сильнѣйшей степени смягчалось господствовавшим кровно-родовым сознаніем населенія и вытекавшим из этого сознанія обязанности матеріальной поддержки мало имущих родственников. Населеніе степи с большим приближеніем к правдѣ может быть охарактеризовано, как социальное-однородное, почему система управленія, будучи построена на демократическом принципѣ обѣщает быть прочной и отвѣчающей социальной природѣ населенія.

Во внутреннем строѣ жизни одним из главных вопросов на ряду с этим должен быть поставлен вопрос просвѣщенія и культуры. Культура калмыцкаго народа была преимущественно религиозной. Свѣтъ ученія Гудды с давних еще пор теплился в духовном мірѣ калмыка. Понятіе грѣха, понятіе стыда, понятіе пошады жизни всякаго существа, в чем бы эта жизнь не проявлялась, понятіе любви и состраданія — все это составляло моральную основу психологіи калмыка — душу его души. Благодаря этому ученію из сознанія калмыка давно вывѣтривались такіе институты, как кровавая месть, традиціонная вражда к иноплеменнику и т. д. Калмык по своей психологіи вѣротерпим, миролюбив, добр; он не знает утрированнаго национально-

племенного шовинизма. Эти черты дѣлают из калмыка воспримчивый сосуд для любой современной культуры.

До настоящего времени культура европейская, представленная русской культурой, проникла в калмыцкую степь еле замѣтной струей, в видѣ немногочисленных школ грамоты и школ низшаго типа вообще.

В новых условіях послѣреволюціонной жизни просвѣщеніе народа должно быть поставлено на новую ногу. Интересы національно-культурнаго и національно-экономическаго развитія должны лечь в основу постановки просвѣдительнаго дѣла. Категоріи и типы школ в первом направленіи болѣе или менѣе извѣстны.

Болѣе трудным и новым представляется вопрос о распространеніи спеціальной отрасли знанія, необходимаго для поднятія улучшенія народнаго хозяйства степного скотоводческаго типа во-первых, и для культивированія новых видов хозяйства, способных привиться в мѣстных условіях, во-вторых. В нѣкоторых уголках степи были попытки разведенія виноградарства, бахчеводства и т. д.

Таковыми представляются нам вѣхи внутренняго развитія жизни Калмыцкаго народа. На путях этого развитія, как одна из главных форм ея, стоит вопрос о національной калмыцкой литературѣ, письменности и языкѣ. Болѣе подробно об этом надлежит остановиться в другом мѣстѣ. Мы в настоящем не задаемся цѣлью подробнаго указанія всего того, что предстоит

ввести в новой жизни ближайшаго будущаго. Мы намѣчаем только вѣхи, перспективы. Калмыцкій народ, как одно из основных звеньев Монгольскаго племени, имѣл свое богатое прошлое. В періодѣ своего расцвѣта он проявил колоссальную волевою мощь и дисциплину духа. Только благодаря этому національному свойству он в состояніи был покорить многомилліонные народы Азии и Европы и создать государство единственное по своему размѣру в міровѣ исторіи.

Поэтому, как ни скромно его настоящее, при правильном и вдумчивом направленіи его политической и культурной жизни нѣтъ мѣста ни скептицизму, ни сомнѣнію. Единственной необходимой предпосылкой для этого является с одной стороны справедливое разрѣшеніе основы народнаго хозяйства — земельного вопроса, а с другой — правильная постановка дѣла народнаго просвѣщенія.

Все силы калмыцкой интеллигенціи должны быть отданы работам в этих двух направленіях. Калмыцкая интеллигенція в своей трудной работѣ должна черпать вѣру и пафос в своем прошлом, любовно изучать это прошлое, дорожить им и стремиться быть достойным этого прошлаго и стараться поднять настоящее на высоту соотвѣтственно исторической эпохѣ.

В этом нам представляется историческая миссія калмыцкой интеллигенціи; в этом же заключается залог достойнаго будущаго его роднаго народа.

Санджи Баянов.

СТЕПЬ.

О степь, жемчужная, безбрежная,
Подруга тайная, любимая!
Близка ты мнѣ, как пѣсня нѣжная,
Как брат, сестра, как мать родимая...

— Одѣта ли парчею бѣлою,
Иль зеленѣет грудь широкая,
Всегда — тиха и одинокая,
И дивны рѣчи твои смѣлыя.
И в час великаго страданія,
Когда терзает грусть упорная,
К тебѣ спѣшу я на свиданіе —

Открыть души сомнѣнья черныя.
И сердце, что молитв созвучія
Полно, обнять всю землю проситея,
И плачу я, и плакать хочется
Перед лицом твоим, могучая.
А ты глядишь при звѣзд мерцаніи
На Божій мір невѣстой райскою,
И мнитея мнѣ: в твоём молчаніи
Есть власть, и мощь, и гордость царская.

И. Странник. (П. П. Ф.)

Большевики и монгольскія племена.

Кто слѣдит за газетами, вѣроятно, читал, что при проведеніи коммунистической революціи в Китаѣ большевики пользуются дорогой Урга — Калган, провоза на автомобилях необходимые для устройства революціи предметы. Точно так же публика должна помнить эпизод борьбы большевиков с извѣстным бароном Уригерном Штернбергом, устроившим свою базу для борьбы с совѣтской властью в Монголіи. Этого барона отлично помнит Монголія, ибо он в извѣстный період освободил ее от китайской власти. Благодаря сообщеніям извѣстнаго путешественника Козлова, о Монголіи стали знать и широкіе круги Европы и интерес к ней пробуждается все болѣе. Монголами и в особенно-

сти их бессмертным гениальным Императором Чингис-Ханом серьезно заинтересовалась русская публика в связи с появленіем, так называемаго, «евразійскаго» ученія.

Нѣтъ сомнѣнія, что народ, нѣкогда сумѣвшій создать величайшую в мірѣ Имперію, давший величайших и непобѣдимых полководцев, именем своим прогремѣвшій на весь мір, не может не вызывать интереса. Кто из мало-мальски развитых людей не знает имени «монгол».

Но давно распалась и умерла Имперія Монголов и из могучих и гордых завоевателей міра и властителей его, они надолго стали смиренными подданными Китайской Имперіи, распавшейся на много частей, утерев національное един-